

В 1:57 ночи, когда Чэнь Баочжу давно уже лег спать ради "красоты и свежести кожи", его разбудил звонок от Гу Яня.

Тот, как безумный, требовал найти какое-то чёртовое кольцо.

Если бы не то, что Гу Янь — самый молодой генерал-лейтенант Империи, с блестящим будущим, мощной родословной, и брак с ним сулил массу выгод и удовлетворение амбиций, Чэнь Баочжу ещё подумал бы — а стоит ли вообще терпеть такое безумие.

Уважающие себя омеги с хорошей родословной, как правило, занимаются элегантными вещами: открывают галереи, бутики, арт-пространства. Прибыль — не главное. Главное — производить впечатление: что ты и успешен, и тонок, и свободен. Чэнь Баочжу не был исключением.

Именно поэтому мастерская, где изготавливали их обручальные кольца, тоже принадлежала ему.

Он смутно помнил то самое кольцо. Гу Янь, уходя, оставил его прямо на столе.

Дизайнер спросил: что делать с этой безвкусной штукой?

Грубая, дешевая, без блеска — и, конечно же, на безымянном пальце. Чэнь мог и с закрытыми глазами угадать: подарок от его "милого маленького любовника".

Чем больше он смотрел на кольцо, тем сильнее злился. В итоге приказал выбросить.

Раз Гу Янь забыл о нём на весь вечер, значит, и важным оно не было. Он чувствовал себя вполне уверенно.

Пока в два часа ночи не раздался звонок с вопросом: "Где кольцо?!"

Он запаниковал — хоть и на секунду:

— Я? Не знаю... Я и не заметил... Сейчас спрошу, — промямлил он.

Когда Гу Янь появился у него на пороге, в тусклом свете была видна еле различимая ссадина на его лице. Не слишком серьёзная, к утру должна была сойти.

Чэнь Баочжу испытал резкое чувство раздражения. Он сразу понял: это сделал тот самый

"милый любовничек".

А кто ж ещё?

Вот же, мать твою... Нашёлся герой! Такое чудо осмелилось влить пощёчину самому Гу Яню?!

Если бы это был не любовник, Чэнь Баочжу бы обязательно пошёл к нему "поучиться паре приёмов".

Но поскольку это именно любовник — перед глазами всё потемнело. Похоже, их будущая семейная жизнь будет куда мрачнее, чем он ожидал.

Сюй Сяочжэнь дал пощёчину Гу Яню, а тот потом ещё и прибежал искать его кольцо. А стоит Чэнь Баочжу сказать хоть слово лишнее — сразу с синяком на шее остаётся.

Этот любовничек явно не просто станет выше его в доме — он ещё и будет верховодить всем.

Ему, глядишь, придётся и роды этого беты принимать.

Чёрт побери!

Всех работников мастерской согнали обратно. Гу Янь перевернул там всё вверх дном. Кольца — ни следа.

Хотя все прекрасно знали — кольцо давно выбросили. Только молчали. Боялись быть первым, кто откроет рот и нарвётся.

Но один из стажёров пробормотал себе под нос:

— Разве его не выбросили вчера вечером вместе с мусором? Зачем теперь всё это...

— Что ты сказал? — голос за спиной заставил его вздрогнуть.

Обернулся — Гу Янь. Глаза налиты кровью, лицо перекошено. От бессонной ночи он выглядел почти безумным.

— Выбросили?! Кто вам разрешал?! Я что, давал такое распоряжение?!

Стажёр опустил голову, дрожит.

Чэнь Баочжу метнул в него взгляд. От одного выражения лица Гу Яня у него в шее закололо. Он сделал шаг назад и только потом попытался смягчить ситуацию:

— Ну не было там ничего ценного. Потеряли — и ладно. Закажем новое. Не стоит так нервничать, тебе вредно.

Гу Янь, услышав это, взорвался ещё сильнее. Смахнул со стола всё, что на нём лежало.

Чэнь Баочжу замолчал.

— Ищите! Найдите мне его! Не найдёте — катитесь отсюда все к чёртовой матери, из Первого сектора!

Гу Янь устроил такую взбучку при всех, что Чэнь Баочжу едва сохранил лицо. Но всё же быстро велел сотрудникам связаться с мусорным заводом.

Ответ пришёл резкий: мусор, вывезенный прошлой ночью, уже прошёл стадию утилизации. Небольшие металлические предметы, скорее всего, испарились при высоких температурах.

Даже если что-то ещё не сожгли — за вчерашний день было собрано более 30 тысяч тонн отходов. Искать среди этого одну потерянную вещицу — всё равно что вылавливать иголку из океана.

Проще говоря — кольцо уже не вернуть.

Оно стало электричеством. Исчезло в чьём-то доме. Превратилось в свет. Мелькнуло — и исчезло навсегда.

Когда Гу Янь услышал это, он молча провёл пальцем по пустому безымянному пальцу. Потом опустил на стул, как будто выключился.

Это кольцо он нашёл у Сюя, когда они впервые сильно поссорились. Просто вытащил из его кармана. Тогда оно было ещё не до конца готово — заготовка.

Он надел его ради шутки. Просто так, поиграться.

Гу Янь никогда не носил украшения. В отличие от показушного Шэнь Ле, он всегда считал это лишним. Кольцо только мешало: перед сном и при мытье рук — снимать, потом снова надевать.

Но он привык. Прошло полгода, и он не мог без него — постоянно щупал пальцем, проверял.

Полгода — и ни разу не потерял.

А теперь, когда Сюй собирается уйти, когда всё рушится — он его теряет.

Эти дни он был рассеян, нервный. Уходя, подумал, что кольцо всё ещё на руке. И не проверил.

Теперь кольцо исчезло. А Сюй?

Он всё сидел, не двигаясь. Никто не осмеливался подойти. Только под утро он пришёл в себя и ушёл.

Пока он не сказал, что всё окончено — никто не решался разойтись.

И только когда он покинул здание, один из дизайнеров тихо спросил Чэнь Баочжу:

— Босс, нам... правда придётся уехать из Первого округа?

Чэнь Баочжу и сам не ожидал, что всё зайдёт так далеко. Этот сумасшедший Гу Янь!

Он раздражённо махнул рукой:

— Ладно, сами куда-нибудь спрячьтесь на время.

Когда Гу Янь вернулся домой, Сюй Сяочжэнь уже сидел в комнате и завтракал.

Из-за его состояния с глазами теперь не было нужды запирать дверь, а железную цепь у изголовья кровати Гу Янь снял.

Вчера Сюй Сяочжэнь был на грани срыва: лицо белое как мел, будто душу вырвали. А сегодня — снова спокоен, ни намёка на отчаяние.

Такое спокойствие, что никто бы не догадался — он почти ослеп. А может, и совсем потерял зрение.

В любых обстоятельствах Сюй Сяочжэнь умел держать удар. Это всегда восхищало и пугало одновременно.

По рекомендации врача повар сменил рацион: на завтрак теперь ячменная каша с красной фасолью — она помогает ускорить отток внутриглазной жидкости.

Гу Янь не знал, как сказать Сюй Сяочжэню, что кольцо потеряно.

Он и так был зол, а узнав, что подарок пропал — взбесится ещё сильнее.

Гу Янь взял бумажную салфетку, осторожно вытер уголок его рта.

Сюй Сяочжэнь чуть нахмурился, но ничего не сказал и продолжил есть.

Гу Янь колебался, прежде чем заговорить:

— Сяочжэнь, когда зрение восстановится... сделай мне ещё одно кольцо.

Пауза. Потом поспешно добавил:

— Я не потерял его сам, я снял его и положил на стол. Кто-то выбросил.

Он сам себе казался сумасшедшим — так сильно зависеть от реакции Сюй Сяочжэня, быть не собой. Раньше ему не нужно было ни перед кем оправдываться. А теперь — каждое слово, как мина под ногой. Лишь бы не разозлить Сюй Сяочжэня, лишь бы не схлопотать пощёчину.

Это чувство пугало. Разум кричал: «Остановись!», но он не мог.

Сюй Сяочжэнь немного подумал и только потом вспомнил — это было то самое кольцо, недоделанное, что он делал сам.

Это кольцо он изначально хотел использовать для предложения. Но в итоге Гу Янь сам его надел. Потом их отношения стали такими выматывающими, что Сюй Сяочжэнь и думать забыл о чём-то подобном.

Теперь, когда кольцо пропало, он даже не удивился. С характером Гу Яня — это было вполне ожидаемо.

В тот момент, когда Сюй Сяочжэнь слегка нахмурился, вспоминая, мышцы на пояснице Гу Яня тут же напряглись — он приготовился к удару.

Но Сюй Сяочжэнь всего лишь поворошил ложкой кашу, будто ничего не слышал.

Он и так догадывался, что за безумие Гу Янь учинил с теми людьми. И это утомляло.

Гу Янь осторожно потянул его за рукав:

— Сяочжэнь, сделай мне ещё одно кольцо. Когда-нибудь мы начнём всё заново...

Сюй Сяочжэнь едва заметно дёрнулся — и Гу Янь тут же отпрянул, будто током ударило.

— Гу Янь, я тебе это уже миллион раз говорю! Мы расстались! Всё кончено! После того, как ты запер меня — у нас не должно быть даже малейшей связи в этой жизни! Ты меня не любишь. Ты только себя любишь!

— Мои глаза в таком состоянии, а ты всё ещё держишь меня, не даёшь уйти! У тебя вообще сердце есть? Хоть кто-нибудь на твоём месте почувствовал бы вину! А ты... Ты просишь кольцо? Предлагаешь начать заново?!

Он хлопнул ладонью по столу — не опрокинул его, не запустил в него тарелкой. Он берёт вещи.

И если уж начистоту — он всё ещё не разлюбил. Первая влюблённость, первая зависимость — в нём теплилась надежда. Он злился, бил, ругался — лишь бы достучаться, лишь бы Гу Янь не толкнул их в бездну окончательно.

Сюй Сяочжэнь только кричал. Не ударил. А Гу Янь, как последний мазохист, чувствовал облегчение. Даже радость.

Он и забыл, как недавно Сюй Сяочжэнь не смел на него голос повысить.

Гу Янь продолжал настаивать, а у Сюй Сяочжэня от злости кровь закипела, боль в глазах накатила новой волной. Он схватился за лицо, молча.

Гу Янь сразу понял — дело плохо. Позвал личного врача. Тот приехал, сделал укол с витаминами, промыл глаза укропной водой и с явным беспокойством сказал:

— Пациенту категорически нельзя волноваться. Генерал-лейтенант, может быть, вы всё-таки...

— Сяочжэнь, хочешь что-нибудь вкусное? Или поиграть во что-то? Может, почитать тебе? Что угодно — только скажи, что сделает тебя хоть немного счастливее? — Гу Янь перебил врача и обратился к Сюй Сяочжэню.

— Отпусти меня.

Гу Янь замолчал.

— Это невозможно. Просто отдохни и лечись.

Он сказал это, отдал пару распоряжений врачу и ушёл на работу.

С того дня Сюй Сяочжэнь словно понял — кричать, злиться, требовать бессмысленно. На любое слово Гу Яня он отвечал спокойно, без эмоций. Иногда целыми днями сидел один у себя в комнате.

Но только он сам знал — дело не в том, что злость ушла. Просто болезнь прогрессировала. Тело — его собственное, он чувствовал всё, что с ним происходило.

Он пытался заставить себя радоваться, хоть чуть-чуть. Хоть немного вытянуть это тело обратно из бездны.

Но эмоции не поддаются воле. Особенно когда дом насквозь пропитан Гу Янем. Каждый угол напоминал о нём — голос, шаги, запах. Стоило ощутить любое из этого — и внутри всё переворачивалось.

Иногда он просыпался утром, а подушка под головой была мокрой.

Он злился на себя за это. За свою слабость.

Через три дня — контрольный осмотр. Врач был в шоке. Как могло стать хуже так быстро?

Роговица опухла. Даже лазерная операция теперь невозможна.

— Так больше нельзя. Если это продолжится — зрение уйдёт совсем.

Сюй Сяочжэнь слушал врача, и пальцы его медленно сжались в кулак.

Он понимал: он сам рвётся изнутри. Он не может остановиться. Этот дом давил, он душил. Пока он здесь — он никогда не расслабится. Он хочет уйти...

Даже Гу Янь не ожидал такого поворота.

Всё было — еда, лекарства, тишина. Он даже избегал встречаться с Сюй Сяочжэнем, чтобы не провоцировать.

Почему всё ухудшилось?

Врач мог только одно посоветовать: найти то, что действительно приносит радость и покой.

Гу Янь присел на корточки перед Сюй Сяочжэнем, взгляд — тёплый, полный нежности. Он обхватил его руки и спросил:

— Чего ты хочешь? Что бы ты хотел сделать? Что бы съесть? Скажи. Хочешь — я звёзды с неба достану. Лишь бы ты улыбнулся.

Сюй Сяочжэнь не колебался ни секунды:

— Я хочу уйти отсюда.

Он действительно боялся. Если он окончательно ослепнет — это конец. Его исключат. Все годы стараний — прахом. Он ничего не добьётся. Даже работу не найдёт. В восемнадцатом секторе и мусор не успеешь подобрать — тебя обгонят.

У него не будет выбора. Он останется в этой комнате. В заложниках у Гу Яня. Когда тому захочется — он зайдёт «поиграть». Когда надоест — выкинет.

Пальцы, лежащие у него на коленях, мелко дрожали. Он сдавался. Он отступал. И впервые — впервые — его голос сорвался, стал глухим, полным мольбы:

— Прошу тебя... отпусти меня. Я больше не могу. Я человек, а не игрушка.

— Сегодня утром я проснулся, открыл глаза — и передо мной всё ещё был мрак. Только через долгое время появился свет. Я действительно теряю зрение.

— Гу Янь, ну считай, что я ничего не понимаю. Что я грязный, недостойный. Что не умею быть счастливым. Но... вспомни, мы ведь были вместе. Отпусти меня, пожалуйста.